

ДУЭЛЬ КАК «ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ» АРИСТОКРАТИИ (К ПОЕДИНКУ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КИРСАНОВА С ЕВГЕНИЕМ БАЗАРОВЫМ)

Чжан Явень

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
daniazhang317@gmail.com

THE DUEL AS A "LAST GASP" OF THE ARISTOCRACY (TO THE DUEL BETWEEN PAVEL PETROVICH KIRSANOV AND EVGENIY BAZAROV)

Zhang Yawen

Summary: The aim of the article is to explain the uniqueness of the "duel scenes" in the novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev and to reveal the meaning contained in it. The research is based on the cultural-historical, psychological, comparative and axiological methods. The author claims that there are two types of duel in the novel, unfolding at different levels – the *ideological* duel between the liberal Pavel Petrovich and the democrat Bazarov in Chapter X, and the *knight* duel between the antagonists in Chapter XXIV. The *ideological* duel in the first part of the novel was "imposed" on Bazarov due to the socio-political characteristics of the conflict, while the main character's image is abstracted and presented as a kind of *prophet*. The second one – the knight duel – is based on the revelation of Bazarov's romantic nature (after the love defeats with Odintsova). Pavel Petrovich, who witnessed that Bazarov kissed Fenechka, found an excuse to challenge Bazarov to the duel, and the conflict relations in this duel were significantly different from the previous one – it's about an invasion of individual honor and dignity. Based on the study results the author concludes that Pavel Petrovich could not behave as a worthy opponent of Bazarov either in the *ideological* or in the *knight* duel; the outcome indicates the doom of the aristocratic generation represented by Pavel Petrovich. The duel in this novel turns out to be a "last gasp" of the aristocracy.

Keywords: Turgenev, conflict, Pavel Petrovich, aristocrat, Bazarov, nihilist-democrat, ideological duel, knight duel, generation.

Аннотация: Цель статьи – разъяснить своеобразие "дуэльных сцен" в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» и выявить содержащийся в ней смысл. Для достижения данной цели применяются культурно-исторический, психологический, сравнительный и аксиологический методы. Автор выделяет два типа поединка в романе, развертывающиеся на разных уровнях – *идейную* дуэль между либералом Павлом Петровичем и демократом Базаровым в X главе и собственно *рыцарскую* дуэль между антагонистами в XXIV главе. Предполагается, что *идейная* дуэль в первой части романа был «навязан» Базарову в связи с социально-политическим характером их конфликта, в котором образ главного героя абстрагируется и представляется своего рода *пророком*. Вторая – *рыцарская* дуэль – обусловлена раскрытием романтической природы Базарова (после любовного поражения с Одинцовой), Павел Петрович же, оказавшийся свидетелем поцелуя Базаровым Фенечки, нашел повод для вызова того на дуэль, и конфликтные отношения в этой дуэли существенно отличались от предыдущей – посягательство на личную честь и достоинство. При анализе двух дуэльных сцен автор приходит к выводу, что Павел Петрович не мог выступить как достойный противник главного героя ни в идейной, ни в собственно *рыцарской* дуэлях, их исход указывает на обреченность того аристократического поколения, представленного Павлом Петровичем. Дуэль в романе «Отцы и дети» оказывается «последним вздохом» аристократии.

Ключевые слова: Тургенев, конфликт, Павел Петрович, аристократ, Базаров, демократ-нигилист, идейная дуэль, рыцарская дуэль, поколение.

Феномен дуэли, распространившийся в элитных слоях русского общества первой половины девятнадцатого века, его высокий культурный престиж к шестидесятым годам приходят в упадок [11, с. 83]. Соответственно, изображаемые дуэли в художественных произведениях этого времени часто рассматриваются как явления архаические и носят преимущественно иронический характер. Одним из таких типичных примеров может служить изображение дуэли в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». В частности, при рассмотрении общественно-идеологического и личностно-психологического аспектов конфликта между Евгением Базаровым и Павлом Петровичем Кирсановым дуэль между ними понимается далеко не просто как нелепая или смешная

сцена, но содержащая глубокий смысл.

Своеобразие дуэльных ситуаций в «Отцах и детях» заключается в том, что в романе пересекаются *идейная/словесная* и собственно *рыцарская* дуэли – первая имеет явно надличный характер и представляется важным источником для понимания возрастающего напряжения в столкновениях между «поколениями» в период подготовки крестьянской реформы в России; а другая тесно связана с раскрытием романтической природы (*секуляризацией*) Базарова и касается посягательства на личную честь и достоинство человека. Несмотря на то, что эти два типа дуэли разворачиваются на разных уровнях, однако их исход указан на одно – обреченность того ари-

стократического поколения, представленного Павлом Петровичем, на историческое поражение.

Портреты Павла Петровича и Базарова в экспозиции романа оказываются контрастными. В образе Павла Петровича наблюдается обилие внешних деталей: сдержанная и деликатная аристократическая манера поведения, признаки изящества, как, например, «душистые усы» или цветочные характеристики: «лаковые полусапожки», «коротко стриженные седые волосы», отливающие «темным блеском, как новое серебро», «светлые, черные, продолговатые глаза», «розовые ногти», «снежная белизна рукавички» (VII, 18–19)¹. А фигура Базарова, по замечанию Н.Н. Страхова, «имеет в себе нечто мрачное и резкое. В его наружности нет ничего мягкого и красивого...» [12, с. 188]. При их первой встрече конфликтность возникает сразу, и оба героя каждый по-своему проявляют «инстинктивное отталкивание» (см.: [4, с. 20]): Павел Петрович отказался от рукопожатия и даже положил свою руку «обратно в карман» (VII, 19), а Базаров в дальнейшем разговоре с Аркадием высмеял неуместное «щегольство» Павла Петровича в деревне («Чудаковат у тебя дядя... Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!») (VII, 20).

Судя по всему, происходившая в первой части романа *идейная дуэль* с Павлом Петровичем был «навязан» Базарову [10, с. 107]. Это объясняется прежде всего характерным для Тургенева-романиста стремлением к «идеальной типизации» своих героев [6, с. 309]. Образ Базарова как представителя нигилистических воззрений выполняет важную роль «выразителя общественного самосознания» того времени [1, с. 251]. Соответственно, первая задача, делегированная автором Базарову после прибытия того в кирсановскую усадьбу – борьба с защитниками старых устоев, в частности с представителем либеральной аристократии Павлом Петровичем, который, по выражению Николая Петровича, «человек прежнего закала, вспыльчивый и упрямый...» (VII, 149). Г.А. Бялый обоснованно замечает, что до прямого словопрепия в шестой главе было мало описаний Базарова, однако почти все его появления в тексте уже звучат «резким диссонансом» с окружающей средой, и это можно рассматривать как «далекое предвестие будущих столкновений с “отцами”» (см.: [4, с. 16–17]).

Настоящая *идейная дуэль* Базарова и Павла Петровича происходит в десятой главе. Первый же спор в шестой главе поверхностен, он, по сути, представляет собой неудачное *поучение*² старого поколения молодому, куль-

турного дворянина *глупому и неучтивому* разночинцу. Слово «нигилист» воспринято Павлом Петровичем поначалу как определение человека, «который ничего не уважает» (VII, 25), что проявляется в таком не этичном поведении Базарова, как «короткий зевок», перебивание собеседника, восклицание с «презрительной усмешкой» при общении (VII, 28). «Совершенная развязность» Базарова возмутила и оскорбила *аристократическую натуру* Павла Петровича, и тот «начинал чувствовать тайное раздражение» (VII, 27–28). После первого словопрепия, в отличие от довольно *спокойного и гармоничного* состояния главного героя в Марьино (он работал, и «все в доме привыкли к нему, к его небрежным манерам, к его немногосложным и отрывочным речам») (VII, 43), в душе Павла Петровича накапливалось все больше ненависти к этому лекарскому сыну за проявленные в нем почти «сатанинские» (VII, 52) гордость и самолюбие (он «подозревал, что Базаров не уважает его, что он едва ли не презирает его») (VII, 44–45). Гордость Базарова происходит от глубокой приверженности *постигнутой* им истине – идее «полного и беспощадного отрицания» ради того, чтобы строить существенно новое³ (VII, 53). Этим объясняется причина того, что герой все время «свысока смотрит на «отцов», их «глухую жизнь»» (см.: [7, с. 278–279]). Базаровское презрение к «отцам» не сколько обнаруживается на эмоционально-личностном уровне, сколько идет от противопоставления идейно-политических позиций разных поколений. А гордость либерала Павла Петровича основана на истории России сложившейся на протяжении почти полутора столетий, в которой аристократия обладала безусловной гегемонией и реализовывала святую миссию, «цивилизаторскую, как противостояние дикости, разгулу грубой силы, антикультурному хаосу», и «принципы» для него – высшая моральная сила [10, с. 82–83]. Таким образом Тургенев создает необходимую предпосылку для продолжения *словесной дуэли* в десятой главе, в которой «противники были как бы поставлены автором к барьеру» [4, с. 55].

В результате словесной «схватки» обнаруживается категоричная несовместимость идейно-политических позиций между «отцами и детьми», этот *поединок* как эпилог первой части романа закончился взаимными насмешками, обе стороны твердо держались своих убеждений, не допустив никаких компромиссов. Поражение Павла Петровича было очевидным, он был сначала подавлен решительностью Базарова, а затем его холодностью и нежеланием продолжать спор. К тому же поражение Павла Петровича объясняется не столько каким-либо преимуществом базаровской идеологии перед его по-

1 Здесь и далее тексты произведений И.С. Тургенева цитируются с указанием тома и страницы в скобках, по изданию: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–2014.

2 Павел Петрович «все время задирает своего собеседника и вызывает наконец на крайние сентенции и резкие афоризмы» [4, с. 31].

3 Г.А. Бялый отмечает, что «диапазон отрицания Базарова огромен», он «отрицает даже то, что Павлу Петровичу было «страшно вымолвить», а Тургеневу невозможно назвать по цензурным условиям. Речь шла о самом существовании российского общественно-политического режима» [4, с. 160].

зицией⁴, сколько тем, что личности антагонистов представлены как сражающихся в неравных условиях. По мнению Л.Я. Гинзбург, Базаров изображен не только как человек «обусловленный, но и как прямое выражение обуславливающего – самой исторической энергии» [6, с. 312]. Ю.В. Манн утверждает, что Базаров представляет собой «редкий пример» персонажа Тургенева, у него не только «отсутствует предыстория», но и при изображении писатель «совершенно не применяет интроспекцию (авторское объяснение и проверку субъективного мира) в тех случаях, когда дело касается базаровской позиции, его прошлого и будущего» (единственным исключением этого служат его любовные переживания) [9, с. 102]. Учитывая вышеизложенные замечания, можно предположить, что образ Базарова в первой части романа абстрагируется и приобретает облик как бы *пророка*⁵. Это особенно отражается в сдержанном изображении Тургеневом личностных подробностей в представлении главного героя, в показе глубокой отчужденности Базарова (в частности, от кажущегося близким ему *ученика* Аркадия), его твердой приверженности силе «отрицания» и при этом необыкновенного спокойствия в полемике с антагонистом. В этом заключается его несомненный *перевес* в идейной «схватке» с Павлом Петровичем.

После десятой главы, в которой оба антагониста выказали твердую «уверенность в своем безусловном праве судить жизнь» [10, с. 109], в дальнейших идейных спорах полностью исчезла необходимость. Новый повод для развития их конфликтных отношений появился вместе с «уравнительными тенденциями» в сопоставлении Базарова с Павлом Петровичем [10, с. 64]. Имеется в виду, что с разворачиванием сюжетных линий во второй части романа постепенно раскрывается внутренняя сущность образа Базарова.

Знаменательным в этом отношении событием явилась любовная история героя с Одинцовой, благодаря которой обнаружилась романтическая натура Базарова. В характеристике Одинцовой, «почти такой же сфинкс, как княгиня Р...Тургенев сталкивает своего Базарова с реальным существованием того, что для него было не больше, чем выдумка, «романтизм, чепуха, гниль, художество»» [4, с. 77–78]. А при их первой встрече на балу в четырнадцатой главе, Базаров проговорил: «Это что за фигура?... На остальных баб не похожа» (VII, 69) – на са-

мом деле в одобрительной оценке Одинцовой уже замечается его невольный «романтизм», осознание которого оказалось для него губительным ударом («Базаров с негодованием сознавал романтика в самом себе») (VII, 87). Н.Н. Страхов делает важное замечание, что «глубокий аскетизм проникает собою всю личность Базарова; это черта... существенно необходимая», и «характер этого аскетизма совершенно особенный» – Базаров «бережется не того, что может погубить тело, а того, что погубляет душу» [12, с. 189]. Любовные переживания оказались тем вызовом, который «погубляет душу» Базарова, так как отказаться от них герой попросту не в силах, одним из явных доказательств служит «любовная вспышка» в восемнадцатой главе, и по сути все дальнейшие действия и состояния Базарова в романе в определенной степени можно рассматривать как попытку тщетного *самоисцеления*. Иными словами, с появлением Одинцовой, Базаров «живет» настоящей жизнью, а не «жительствоет, подчиняясь случаю» [9, с. 104], до этого он претворял собственную жизнь в идеальную, откуда и происходили его непоколебимость и уверенность в самых высоких предназначениях и заблуждениях.

Сопоставительные сцены встреч Базарова с Фенечкой: короткий разговор во время знакомства в IX главе, закончившийся добродушным восклицанием Базарова («Она мать – ну и права») (VII, 42), и свидание в беседке в XXIII главе, после которого главный герой «иронически поздравил себя с “формальным поступлением в селадоны”» (VII, 139) показывают своего рода *падению – секуляризацию* образа Базарова. В результате второй сцены герой и Павел Петрович (как свидетель злосчастного поцелуя) уравниваются и образуется новый поворот⁶ в развитии их конфликтных отношений – участие в рыцарском поединке, причиной которого становится посягательство на личную честь и достоинство.

Вызывать Базарова на дуэль – серьезное продуманное решение Павла Петровича: посмотрев сцену в беседке, он «медленно шагая, добрался до леса», один «остался там довольно долго», а вернулся к завтраку уже спокойным (VII, 139); затем он появился в комнате главного героя с тростью, которой редко пользовался – явно нарочитая угроза⁷, направленная против Базарова. Поведение Павла Петровича «свидетельствует о желании представителей отцов начать оценивать свои с детьми

4 Хотя сам образ Базаров оказывается автору симпатичным, при сопоставлении идеологии двух поколений «Тургенев не выстраивает хрестоматийно-дидактически хорошее против дурного» (см.: [2, с. 21]).

5 Несмотря на «ограниченности» изображенной личности Базарова (см.: [8, с. 65]), герой единственный в романе, кто «действительно находится “накануне” дела» [9, с. 104].

6 Заметно, что до этого события агрессивная враждебность Павла Петровича к Базарову со временем сменяется любопытством: «Он иногда просил позволения присутствовать при опытах Базарова» (VII, 134).

7 Применение трости часто означает показ иерархического превосходства аристократии. Например, в романе «Дворянское гнездо», Паншин разбудил своего дремлющего кучера, «толкнув его концом палки в шею, сел на дрожки и покатил» (VI, 103–104); еще оскорбительным оказывается эпизод в романе «Дым», когда один генерал в компании Ирины Ратмировой рассказывал перед Борисом Литвиновым, как он заставлял одного щелкопера «понюхать» его палки (VII, 302).

взаимоотношения в одной системе координат», а главный герой «понимает и отчасти принимает мотивацию своего соперника» [3, с. 10]. Однако стоит отметить, что Базаров принял вызов не под угрозой *трости*, а потому, что ситуация заставила его «расплачиваться за свое “селадонство” не только чувством презрительной досады на себя, но и участием в “рыцарском поединке”» [4, с. 103]. Более того, главный герой сразу угадал настоящую мотивацию соперника к дуэли, которую тот предпочел скрыть: «Неужели ж это он за брата так вступился?... Тут что-нибудь другое есть. Ба! да не влюблен ли он сам? Разумеется, влюблен; это ясно как день» (VII, 142). В таком случае, проявленные торжественность и серьезность Павла Петровича при вызове на дуэль (он «подавлял всех, даже Прокофьяча, своего леденящую вежливостью») (VII, 142) становятся предметом только насмешки и иронии Базарова.

Судя по всему, безусловная победа Базарова в этой *рыцарской* дуэли уже predetermined, когда герой прозорливо осознал суть всего события сразу после вызова («Фу ты, черт! как красиво и как глупо! Экую мы комедию отломали!») (VII, 142). При этом Базаров благородно выступал во время дуэли: несмотря на то, что Павел Петрович первым выстрелил чуть не убил его («что-то резко

зыкнуло около самого уха Базарова, и в то же мгновение раздался выстрел»), герой «подавил пружинку» без прицеливания, в результате того у противника была ранена нога, и он сразу бросил пистолет и оказал противнику первую помощь, совершив естественное превращение из «дуэлиста» в «доктора» (VII, 145). Получилось, что в *рыцарской* дуэли «уравнительные тенденции» между образами Павла Петровича и Базарова завершились противопоставлением, с одной стороны, человек «оскорбляющий и убивающий», с другой – «насмехающийся и спасающий», что означает окончательное поражение Павла Петровича.

Итак, в столкновениях с молодым поколением Базарова Павел Петрович был способен лишь вызывать противника на дуэль, но он не мог быть достойным соперником Базарову ни в *идейной*, ни в собственно *рыцарской* дуэлях. В отличие от главного героя, чья *романная* судьба еще ожидает момента своей нелепой и жертвенной смерти – «кульминационного возвышения» [10, с. 62] его личности, после всех этих событий, Павел Петрович почувствовал, что «более благоприятным образом <...> кончиться не могло» (VII, 146), и «отправился к “отцам”, к своей исторической обреченности (VII, 160) – дуэли как «последнему вздоху» аристократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюто А.И. Тургенев-романист. М.: Наука, 1972.
2. Батюто А.И. «Отцы и дети» Тургенева – «Обрыв» Гончарова (философский и эτικο-эстетический опыт сравнительного изучения) // Русская литература. 1991. № 2. С. 3–23.
3. Беляева И.А. «Отец и дети» И.С. Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 7–14.
4. Бялый Г.А. Роман Тургенева «Отцы и дети». М.; Л.: Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1963. 138 с.
5. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М.; Л.: Советский писатель, 1962. 247 с.
6. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Ленинград, 1971.
7. Завьялова Е.Е. О возрасте и времени в «Отцах и детях» И.С. Тургенева // И.С. Тургенев: русская и национальные литературы: материалы межд. научно-практич. конференции 26-28 окт. 2013 г. Ереван: Лусабац, 2013. С. 268–283.
8. Курляндская И.С. Тургенев и русская литература: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
9. Манн Ю.В. Базаров и другие // Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. С. 97–132.
10. Маркович В.М. Человек в романах Тургенева. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1975. 154 с.
11. Рейфман. И. Ритуализированная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 327 с.
12. Страхов Н.Н. Литературная критика [Текст] / Н.Н. Страхов; [вступ. ст. Н.Н. Скатова, с. 5–43]. М.: Современник, 1984. 431 с.
13. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М.П. Алексеев (гл. ред.) и др.] М.: Наука, 1978–2014.

© Чжан Явень (daniazhang317@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»